

УДК 930.85(470.41)''192/193'':001.4(045)

*О.А. Хабибрахманова***ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКА ОБЩЕНИЯ И НАУКИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗОВСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РАННЕСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

В статье изучены проблемы трансформации языковых практик вузовской интеллигенции Казанской губернии / ТАССР в 1920–1930-х гг. Рассмотрены формы и практики по изменению коммуникативного пространства вузовской интеллигенции раннесоветского периода. Поставлен ряд принципиальных вопросов об эффективности и последствиях политики советской власти в области социально-культурных трансформаций. Поскольку в основе изучения языковых практик лежит феноменологическое представление о социально-культурных трансформациях и на основе анализа ряда архивных документов в статье представлен ряд коммуникативных практик самой интеллигенции, а также формы изменения языкового профессионального пространства властью. В работе сделан вывод, что научная интеллигенция под давлением внешних обстоятельств вынуждена была принимать активное участие в формировании нового языка и меняться сама.

Ключевые слова: научная интеллигенция, языковые практики, Казанский университет, социальные трансформации, ученые.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-6-1281-1285

Российское общество 1918 – конца 1930-х гг. переживало период социальной ломки. В беспрецедентный эксперимент по социальному переустройству общества была втянута и вузовская интеллигенция. Обладая способностью оказывать влияние на социально-культурные, да и политические предпочтения, интеллигенция должна была стать проводником идей советской власти. Вместе с тем обеспечить такую «поддержку», «переход» интеллигенции на сторону советской власти оказалось не просто. С этой целью власть использовала самые разнообразные способы. Не зря исследователи писали, что интеллигенция – это героическое поколение, искусственно выращенное большевистской субкультурой [5, с. 80]. Среди факторов, оказавших влияние на вузовскую интеллигенцию, можно назвать, вслед за рядом историков, идейно-политическое размежевание интеллигенции [3; 6], желание решить материальные проблемы и проч. Необходимо говорить и о социально-психологическом факторе [2; 4], на который оказывали влияние, среди прочих, властные стратегии и способы выстраивания советского коммуникативного пространства. Большое значение трансформации коммуникативных практик советская власть предавала не случайно. Согласно логике Ю. Хабермаса [8], коммуникации оказывают непосредственное влияние на формирование социальных, а, следовательно, и профессиональных сообществ. При этом языковые практики выполняют важнейшие функции и коммуникативного, и социального характера и оказывают непосредственное влияние на общество.

Таким образом, языковые практики, возможные способы их модификации стали одним из объектов пристального внимания большевиков. Преследуя цель советизации системы высшего образования, власти проводили большую работу по политизации языковых практик вузовской интеллигенции, стремились оказать влияние и на изменения языковых практик. Становились инструментом, с помощью которого власти удавалось трансформировать социально-профессиональное пространство вузовской интеллигенции, а значит, и изменять ее самою. Власть, пытаясь оказать влияние, в первую очередь на профессиональное пространство вузовской интеллигенции, использовали самые разнообразные формы деформации языка науки. Написанные «по-советски» анкеты, отчеты, характеристики, автобиографии, насаждение политической риторики в научный дискурс и проч., должны были стать важными формами, с помощью которых происходила планомерная политизация языка. Поскольку в раннесоветский период новые коммуникативные формы переживали период становления, остановимся лишь на некоторых из них, тех, что наиболее емко демонстрируют происходящие социальные изменения.

В начале 1920-х гг. в связи с распространением в стране научной организации труда начинается масштабная реорганизация делопроизводства. Одним из распространенных способов получения, сбора и упорядочения информации с мест, стало анкетирование. Заполняли анкеты и ученые. Советский ученый, по замыслу власти, должен был обладать безупречной «советской» биографией, очищенной от буржуазного прошлого. Чтобы научить профессоров и преподавателей «правильно» составлять

собственную биографию так, чтобы она соответствовала представлениям властей о советском ученом, разрабатывались специальные анкеты. Заготовленные и напечатанные заранее анкеты использовались повсеместно и требовали от респондентов ответов на соответствующие «советской» биографии вопросы: о социальном происхождении, о членстве в партии, об участии в общественной работе.

«Пролетарское» происхождение было едва ли не самым важным условием, позволяло идентифицировать ученого как «советского». Доцент Казанского пединститута А. Я. Козырев, согласно анкете, по происхождению крестьянин-бедняк, по национальности чуваш. «За время своей тяжелой работы семь раз был премирован...» [1, ф. 5888, оп. 1, д. 7, л. 148]. Сложнее было заполнить «правильную» анкету заслуженным профессорам, имеющим дореволюционный стаж. Здесь приходилось акцентировать внимание на общественных заслугах. Профессор Казанского ветеринарного института К. Г. Болль, чтобы соответствовать требованиям властей, перечислил все свои заслуги: член ТЦИК с 1925 г., член ГУС, член Казанского городского совета четырех созывов, член бюро СНР 6 лет, 10 лет редактор «Ученых записок КГВИ, член ВАРНИТСО, работал в Обществе содействия жертвам интервенции. Заслуженный деятель науки и техники СССР, Герой труда, Герой социалистической стройки Татарстана» [1, ф. 624, оп. 1а, д. 2, л. 93]. Ключевую роль играло и членство в партии, открывавшее для ученого карьерные перспективы. Наряду с этим проф. А. Е. Арбузов в графе о партийной принадлежности небрежно вписал «без. п.» [1, ф. 732, оп. 1, д. 1877, л. 25]. Формальный подход к заполнению анкет был довольно распространенным явлением в вузовской среде. Дискурсивный анализ таких анкет показывает весьма неоднозначное отношение ученых к власти и в частности, к проводимым изменениям высшей школы.

Важными документами, свидетельствующими о политизации и бюрократизации профессионального дискурса в 1918 – конце 1930-х гг. стали и многочисленные отчеты ученых, повсеместно наводнившие советские учреждения, в том числе и высшие учебные заведения. Любой советский документ, в т. ч. и отчеты вузовской интеллигенции, должен был вписываться в контекст социалистического строительства. Показателен отчет, составленный в 1932 г. кафедрой всеобщей истории Татарского педагогического института. С января по март кафедра провела восемь совещаний, среди прочего «произвела анализ программ и заседаний по всеобщей истории в свете письма тов. Сталина. <...> Кафедра является ударной, выполняет обязательства, принятые ею на себя с сентября 1931 г.» [8]. Особенностью «правильно» составленных отчетов стало включение в отчетную документацию элементов самокритики. Самокритика, став обязательным атрибутом отчета, должна была демонстрировать стремление ученых к изменениям, стремление соответствовать новым требованиям советской администрации. В том же отчете кафедры всеобщей истории находим следующие строки: «...вскрыт ряд ошибок и извращений в работе отдельных преподавателей. <...> Ряд пунктов в обязательствах выполняется, но все же ударная работа кафедры недостаточна» [1, ф. 1337, оп. 2, д. 2, л. 25].

Как правило, вузовская интеллигенция использовала новояз в характеристиках на коллег под нажимом обстоятельств, для получения разного рода преференций. Между тем в архивах сохранилось немало характеристик иного порядка. Авторами таких характеристик, как правило, были советские функционеры. Вот какую характеристику дали члены бюро ячейки № 3 при Казанском университете сыну известного профессора-медика А. Н. Бадюла – преподавателю П. А. Бадюлу: «В свое время удрал с белыми в Сибирь, оттуда вернулся в 1920 г. За время пребывания на медфаке был в пассивной оппозиции... За все время очень злой, несоветский человек. Был провален как неподходящий по социальному положению и происхождению, как нежелательный оставлению при университете» [1, ф. 624, оп. 1а, д. 2, л. 93]. Такая характеристика с определенными дискурсивными маркерами – «удрал с белыми» и т. д., закрепляла определенный социальный статус ученого-изгоя, выброшенного из советского общества, она моментально понижала его социальное положение, лишала права ведения преподавательской деятельности. В 1929 г. на заседании Правления Казанского университета было принято решение отчислить ассистента кафедры общей патологии доктора П. Д. Горизонтова с занимаемой должности. Причиной тому стала характеристика, полученная Правлением университета из Омского медицинского института, откуда перевелся молодой ученый. Характеристика была следующего содержания: «Охарактеризован с общественно-политической стороны как открыто перешедший на сторону реакционной части профессуры и как не принимавший никакого участия в общественной жизни» [1, ф. 1337, оп. 1, д. 54, л. 24].

Наиболее чувствительной для вузовской интеллигенции стали шаги советской власти по насаждению языка политики в научном дискурсе. Язык дореволюционной науки, основанный на

строгой рациональности, предполагал объективность суждений, однозначность, доказуемость, логичное следование избранной методологии.

Но ситуация постепенно менялась. Трансформационные процессы, инициированные извне, были политически и идеологически ангажированы. Вследствие этого язык политики весьма активно проникал во все социальные сферы, не стала исключением и сфера науки. Документы свидетельствуют, что для того, чтобы доказать свою научную и педагогическую состоятельность, ученому не обязательно было владеть навыками ведения научной и преподавательской работы, владеть правилами ведения научной дискуссии, главное – владеть марксистско-ленинской терминологией. Язык науки при этом, искажался, уступая место языку политики.

Так, на одном из собраний сотрудников института Социалистического труда в 1935 г. обсуждалась научная работа проф. Шимановича. От партийной части ячейки выступал Богаевский. Свое выступление оратор начал, традиционно для того времени, с признания допущенных ошибок: «Товарищи, мы сегодня собрались не только для того, чтобы обсудить ошибки профессора Шимановича, мы должны будем сегодня выявить все наши недостатки – как отдельных работников, так и нашей работы в целом» [1, ф. 5888, оп. 1, д. 1, л. 120]. В продолжении отметил, что в работе проф. Шимановича совершенно «обойдены методы социалистического соревнования, ни слова ни сказал о социалистических формах труда» [1, ф. 5888, оп. 1, д. 1, л. 128об]. «Мы должны товарищи, повторяю еще раз, развернуть как можно шире критику в отношении всех научных работников, ибо нам известно, что у некоторых научных работников имеются работы идеологически и политически совершенно невыдержанные» [1, ф. 5888, оп. 1, д. 1, л. 142]. В заключение своего выступления оратор резюмировал: «Профессор Шиманович сильно споткнулся» [1, ф. 5888, оп. 1, д. 1, л. 136].

Защищался профессор по правилам, предложенным новой властью. В первую очередь необходимо было доказать свое пролетарское происхождение, «не буржуазное» прошлое и род занятий, иными словами, свою бесспорную принадлежность к советскому обществу. Ученому предстояло сделать некий критический самоотчет о своей работе, «правильно» рассказать о себе, снять обвинения в идеологической безграмотности. Неудивительно, что защищая свой научный труд, ученый начал свое выступление с выявления «своего социалистического лица советского работника». «Я сын крестьянина-бедняка. Мой отец имел две десятины земли. Я окончил сельскую школу. Приглашали учиться дальше, но возможности для этого не было, и, до 21 года я работал при отце. Был почтальоном до 35 лет. В 1917 г. пригласили лектором в Экономическо-административный институт. В 1921 г. защитил диссертацию» [1, ф. 5888, оп. 1, д. 1, л. 136]. Затем биография «по-советски» подкреплялась самокритикой, как того требовало собрание. Профессор продолжил свою речь: «Я считаю, что работал честно и активно до сего времени. Но, несмотря на это, в моей работе имеются промахи, на которых я сейчас остановлюсь. О своих ошибках я и буду говорить. Скажу откровенно, товарищи, я отстал с точки зрения чисто марксистской методологии, отстал, и даже до сего времени не наверстал и мне много придется работать над собой, пока все наверстаю» [1, ф. 5888, оп. 1, д. 1, л. 136].

Наконец, подчеркивая лояльность к советскому строю и признавая приоритет общественных форм труда над индивидуальными, профессор часть ответственности за совершенные в работе ошибки возложил на коллектив, который не сумел оказать помощь ученому, вовремя не организовал в стенах университета большевистскую самокритику. Он эмоционально завершил свою речь: «Если бы была жесткая самокритика ошибок, имевших место в работе, может, этих ошибок не было. А до сих пор этой самокритики не было. Если коллективно, все вместе, дружно, возьмемся за работу, этих ошибок, безусловно, будет меньше» [1, ф. 644, оп. 1, д. 756, л. 7]. Ученый оказался в ситуации, когда желание заниматься исследованиями вынудили профессора демонстрировать лояльность советской власти и использовать целый ряд коммуникативных практик, абсолютно невысказанных в дореволюционный период.

Таким образом, в 1920–1930-е гг. происходят значимые трансформационные процессы в области профессиональных коммуникаций научной интеллигенции. Политическая риторика, осваивая новое коммуникативное пространство, деформировала дореволюционные дискурсивные практики и язык научной полемики. Вузовская интеллигенция, поставленная в рамки необходимости соблюдать новые правила использования языка и способов его употребления, оказалась перед фактом настоятельной необходимости осваивать и изобретать новые дискурсивные практики. Изучение коммуникативных практик вузовской интеллигенции позволяет в ином свете реконструировать сложный раннесоветский период. Изучение коммуникативных практик важно и нужно, поскольку позволяет

выявить неоднозначную позицию вузовской интеллигенции к советской власти, часто не совпадающую с официальной. Проблематизируется и участие интеллигенции в социальных процессах, степень влияния интеллигенции на социально-культурные трансформации и внутри профессионального сообщества, и общества в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив республики Татарстан (ГАРТ): Ф. Р. 1487. Казанский государственный педагогический институт (1918–1976 гг.); Ф. Р. 644. Татарский Областной отдел союза работников просвещения (1919–1934 гг.); Ф. Р. 5888. Татарский областной комитет профессионального союза работников высшей школы и научных учреждений (1934–1957 гг.); Ф. Р. 732. Центральный исполнительный комитет совета рабочих и красноармейских депутатов ТАССР (1920–1938 гг.); Ф. Р. 624. Партком Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина, Вахитовский район (1922–1982 гг.); Ф. Р. 1337. Казанский государственный университет (1917–1980 гг.).
2. *Донская И., Подольская М.* Благородное собрание казанских ученых // Казань. 1999. № 7–8. С. 65–67.
3. *Квакин А. В.* Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа. 1921–1927. Саратов, 1991. 176 с.
4. *Мальшева С. Ю.* «Великий исход» казанских университетариев в сентябре 1918 г. // Эхо веков. 2003. № 1–2. С. 87–92.
5. *Соколов А. В.* Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб., 2007. 344 с.
6. *Соскин В. Л.* Российская советская культура (1917–1927 гг.): Очерки социальной истории. Новосибирск, 2004. 452 с.
7. *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1993. № 4. С. 43–63.

Поступила в редакцию 06.07.2021

Хабибрахманова Ольга Аркадьевна, доктор исторических наук,
доцент кафедры истории, философии и социологии
ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет»
426034, Россия, г. Казань, ул. Бултерова, 41
E-mail: olgaah@yandex.ru

O.A. Khabibrakhmanova

TRANSFORMATIONS OF THE LANGUAGE OF COMMUNICATION AND SCIENCE IN THE PROFESSIONAL SPACE OF THE UNIVERSITY INTELLIGENTSIA OF THE EARLY SOVIET PERIOD

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-6-1281-1285

The article studies the problems of the transformation of the language practices of the university intelligentsia of the Kazan province / Tatar ASSR in the 1920s–1930s. The forms and practices of changing the communicative space of the university intelligentsia of the early Soviet period are considered. A number of fundamental questions have been raised about the effectiveness and consequences of the policy of the Soviet government in the field of socio-cultural transformations. Since the study of language practices is based on a phenomenological idea of socio-cultural transformations, and on the analysis of a number of archival documents, the article presents a number of communicative practices of the intelligentsia itself, as well as forms of change in the language professional space by the authorities. The paper concludes that the scientific intelligentsia, under the pressure of external circumstances, was forced to take an active part in the formation of a new language and change itself.

Keywords: scientific intelligentsia, language practice, Kazan university, social transformations, scientists.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyj arxiv respubliki Tatarstan (GART) [State Archive of the Republic of Tatarstan (SART)]: F. R. 1487. Kazanskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut (1918–1976 gg.) [Kazan State Pedagogical Institute (1918–1976)]; F. R. 644. Tatarskiy Oblastnoy otdel soyuza rabotnikov prosveshcheniya (1919–1934 gg.) [Tatar Regional Department of the Union of Education Workers (1919–1934)]; F. R. 5888. Tatarskiy oblastnoy komitet pro-

- fessional'nogo soyuza rabotnikov vysshey shkoly i nauchnykh uchrezhdeniy (1934–1957 gg.) [Tatar Regional Committee of the Trade Union of Workers of Higher Education and Scientific Institutions (1934–1957)]; F. R. 732. Tsentral'nyy ispolnitel'nyy komitet soveta rabochikh i krasnoarmeyskikh deputatov TASSR (1920–1938 gg.) [Central Executive Committee of the Soviet of Workers' and Red Army Deputies of the TASSR (1920–1938)]; F. R. 624. Partkom Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni V. I. Ulyanova-Lenina, Vakhitovskiy rayon (1922–1982 gg.) [Party Committee of Kazan State University named after V. I. Ulyanov-Lenin, Vakhitovsky District (1922–1982)]; F. R. 1337. Kazanskiy gosudarstvennyy universitet (1917–1980 gg.) [Kazan State University (1917–1980)].
2. *Donskaya I., Podolskaya M.* Blagorodnoe sobranie kazanskix ucheny'x [Noble Assembly of Kazan scientists]. Kazan, 1999, no. 7–8, pp. 65–67. (In Russian).
 3. *Kvakin A. V.* Idejno-politicheskaya differenciatsiya rossijskoj intelligencii v period nepa. 1921–1927. [Ideological and political differentiation of the Russian intelligentsia during the NEP period. 1921–1927]. Saratov, 1991, 176 p. (In Russian).
 4. *Malysheva S. Yu.* “Velikij ishod” kazanskix universitarijev v sentyabre 1918 g. [The “Great Exodus” of Kazan University students in September 1918]. *Exo vekov* [Echo of the ages], 2003, no. 1–2, pp. 87–92. (In Russian).
 5. *Sokolov A. V.* *Intelligenty i intellektualy v rossijskoj istorii* [Intellectuals and intellectuals in Russian History]. Saint Petersburg, 2007, 344p. (In Russian).
 6. *Soskin B. L.* *Rossijskaya sovetskaya kul'tura (1917–1927 gg.): Ocherki social'noj istorii* [Russian Soviet Culture (1917–1927): Essays on Social History]. Novosibirsk, 2004, 452p. (In Russian).
 7. *Xabermas Yu.* *Teoriya kommunikativnogo dejstviya* [Theory of communicative action]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University], 1993, no. 4, pp. 43–63. (In Russian).

Received 06.07.2021

Khabibrakhmanova O.A., Doctor of History, Associate Professor
at Department of history, philosophies and sociology
Kazan State Medical University
Butlerova st. 49, Kazan, Russia, 412012
E-mail: olgaah@yandex.ru